

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ТЕРМИНАЛ

Александр Прялухин

Александр Прялухин
Семнадцатый терминал

«Издательские решения»

Прялухин А.

Семнадцатый терминал / А. Прялухин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501161-9

Перед вами второй сборник рассказов А. Прялухина (первый назывался «Стрелок с Севера»). Читатели отмечают, что рассказы Александра напоминают произведения советских и западных фантастов второй половины XX века. Немалую роль в этом играет неожиданная концовка в каждой его работе. В книгу вошли 25 произведений, почти все они написаны в 2018—19 гг., но есть и один рассказ 2017 года — «Мечтает ли гардеробщица о настоящих чувствах?», с которого, фактически, началась литературная деятельность автора.

ISBN 978-5-00-501161-9

© Прялухин А.
© Издательские решения

Содержание

Мечтает ли гардеробщица о настоящих чувствах?	6
Мимо старого кладбища, мимо Адской машины	9
Ещё один взгляд на часы	23
Я научу вас материться	27
Уютное кресло Кирилла Андреевича	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Семнадцатый терминал

Александр Прялухин

© Александр Прялухин, 2019

ISBN 978-5-0050-1161-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мечтает ли гардеробщица о настоящих чувствах?

Он приходил сюда каждый день. Огромный холл, стеклянные стены, отделяющие теплое нутро здания от холодной и снежной зимы, толкотня голодных до книг посетителей – все было привычно и до безобразия обыденно. Особенно длинные ряды вешалок, между которых суетливо перемещалась пожилая гардеробщица.

Просиживать штаны в библиотеке ему откровенно нравилось. Это успокаивало, позволяло сосредоточиться на работе. Он снимал с запястья часы, клал их на угол стола, чтобы не мешали, но и не пропадали из виду. Удовлетворенно втягивал в себя пыльный книжный воздух и погружался в иной мир – расчетов, формул, графиков.

Вот только сегодня не задалось. Еще в дверях, огромным пропеллером пропускающих посетителей библиотеки, сердце его непривычно кольнуло. Раньше такого не случалось. Он поморщился, расстегнул куртку, стряхивая с нее снежный пух. Подошел к гардеробу, поднял глаза. Сердце кольнуло еще раз, оно пропустило удар и вдруг забилося в два раза быстрее.

За стойкой была она. Нет, не та, вечно озабоченная и потрепанная годами. Другая. Юная, цветущая, одарившая его приветливой улыбкой, словно дуновением свежего летнего ветерка. С трудом оторвавшись от серых глаз, он, по-прежнему немой и восхищенный, скользнул жадным взглядом по хрупкой фигурке. Темно-синяя водолазка, серая жилетка... На бейджике красовалось лаконичное, написанное от руки – «Люба».

– Давайте.

– А?

– Куртку вашу давайте.

Глаза ее смеялись, превратившись в задорные щелочки, брови приподнялись, спрашивая «ну что же ты, глупенький, так и будешь тут стоять, тарашиться?».

– Ах, да! Конечно. Вот...

Люба взяла его одежду и ушла в темные чертоги гардероба. Подталкиваемый нетерпеливой очередью он вынужден был отойти в сторону. Лишь глянец в руке напомнил о случившемся волшебном видении. Он чувствовал, как жизнь его, поскрипывая и отрываясь от накатанного пути, делает крутой поворот.

В этот день он не мог заниматься. Глупо улыбался формулам и графикам. Думал о ней. И на следующий день тоже. А потом в гардероб вернулась та, озабоченная и потрепанная. Он заставил себя работать, но время от времени спотыкался, останавливался, и в ужасе задавался вопросом – «а вдруг Люба не вернется?».

Она вернулась. Снова приветливая, улыбочивая. Забрала у него куртку, коснулась кончиками пальцев его руки, передавая номерок. Озноб злыми колючками пощекотал его тело, но тут же растворился внутри теплой истомой.

– Спасибо...

– Пожалуйста!

Голос ее звенел радостным колокольчиком.

С каждым разом он растягивал сладостные минуты у стойки все дольше и дольше: медленно раздевался, одевался, неуклюже запикивал шарф в рукав, что-то искал в карманах. Остаться рядом с ней еще хоть на десять секунд, хоть на пять! Они обменивались ничего не значащими фразами, какой-то мимолетной чепухой о погоде, новостях.

Она уже знала, что его зовут Саша, что он приходит ровно в два пополудни и ни минутой позже, и что ближе к пяти он спускается в буфет выпить чаю или кофе. Впрочем, иногда он злился от мысли, что такие подробности ей известны и о других примелькавшихся посетителях. Но нет, не может быть! Ведь она только ему так улыбалась. Любаша, солнышко...

Иногда он видел, как она замирала, задумавшись, глядя на пуговицу безымянного пальто. Едва уловимая улыбка играла на ее лице в такие минуты, излучая что-то доброе, ласковое, делающее его слабым и беспомощным. Она всегда улыбалась. Порой это смущало его и Саша гадал – отчего так? Не решив загадку, он отмахивался, упиваясь лишь существованием в одном мире с Любой.

Однажды она оторвала взгляд от безымянного пальто. Посмотрела на Сашу, протянув к нему невидимую нить через огромный холл, через мелькающие мимо тела, через миллион возможных препятствий, которые стоят между людьми и о которых те даже не подозревают до поры до времени. Он, уже просунувший руку в рукав, вдруг замер, пораженный ее чувством, отправленным ему серыми глазами – тоскливым, щемящим, требующим ответа сейчас, немедленно. Оно отозвалось в нем спонтанным, незапрограммированным желанием. Подошел к ней. В куртке, одетой на одну руку.

– Я...

– Что?

– Я люблю тебя.

Любовь посмотрела на него наивными, широко распахнутыми глазами. Она была удивлена и, похоже, смущена.

– Любишь? Меня?

Приложила руку к груди, потом вдруг перестала улыбаться, глаза ее заблестели. Будто вспомнила о чем-то дурном.

– Ты не врешь? Но я ведь... Я же... – она сжала ладонь в кулачок, взглянула на свое отражение в зеркале, – Прости!

Люба скрылась в подсобке.

Проклиная себя за неуклюжую прямолинейность, Саша выскочил из библиотеки, долго бродил по улицам, вернулся домой и завалился спать, даже не поужинав. Но сон не шел. Утром, так и не отдохнув, он забежал в цветочный магазин, купил большой букет и снова отправился к ней, намереваясь быть смелым, настойчивым, убедительным...

Она стояла у самого входа в гардероб. Почему-то лицом к стене, словно наказанный ребенок. И не шевелилась.

Предчувствуя нечто жуткое, непонятное, он опустил руку, державшую цветы, подошел ближе, заставляя двигаться ватные ноги. Из ниоткуда нарисовалась озабоченная и потрепанная. Вопросительно уставилась на Сашу.

– Что, милый, на свидание собрался?

Он повернулся к пожилой гардеробщице, с трудом проглотил комок в горле.

– А что... с девушкой?

Озабоченная бесцеремонно подняла любину руку, вокруг запястья которой была закручена бирка.

– Серия Л1. Новая модель!

– Как... То есть...

– Ага. Энтот... Самообучающийся интеллект! Фу ты, черт, не выговоришь.

Саша закрыл лицо.

– Забирают ее уже! – доверительно сообщила гардеробщица, – Предварительные тесты, говорят, закончены, отправляем на Луну! В космосе теперь, значит, испытывать будут. Во как!

Пальцы сдавили букет, шипы красных роз проткнули нарядную упаковку, впиваясь в живую плоть.

* * *

– Не пойму я тебя, Сань. Бросил аспирантуру, подписался на этот авантюризм... Нахрена оно тебе надо?

Саша молча пожал плечами, поудобнее устраиваясь в противоперегрузочном кресле. Снаружи нагло и вызывающе рявкнула сирена.

– За романтикой потянуло чтоль? А, Сань? Спутник Сатурна, первые поселенцы, приключения, все дела... Так?

– Настраивать лечу.

– Сервисных роботов? Не, ну это понятно, это у тебя профессия такая. А личная жизнь? Молодой же совсем. Об этом-то подумал?

Пол под ногами вздрогнул, передавая вибрацию от проснувшихся ускорителей. Где-то заканчивался едва слышимый обратный отсчет, пожирая последние секунды его пребывания на Земле.

– Вот ее и лечу настраивать, – буркнул он себе под нос и улыбнулся, мысленно протягивая руку вниз, в грузовой отсек с хрупкой электроникой.

Мимо старого кладбища, мимо Адской машины

– А где бабка? – дед прошаркал через кухню, подслеповато осмотрев бабкину вотчину, сухо сплюнул и вышел.

– За снегом пошла! – крикнула ему из своей каморки Ленка.

– А ты чего дома сидишь? На собрание не идешь что ль?

– Иду, иду...

Ленка выскочила в старом, но бережно сохраненном пуховике, когда-то ярко оранжевом, сейчас же бледно-желтом.

– О! Вырядилась!

Девушка скорчила ему рожу и проскользнула к дверям.

– Не замерзни на улице-то. Прохладно там.

– Очень смешно, дед.

– Послушай, чего врать будут, потом мне расскажешь. Сам уж не пойду.

Она кивнула, потянула первую дверь, обитую войлоком и тряпками, вошла в тамбур, закрылась, толкнула вторую и выпорхнула в морозный сумрак Колонии. Идти было недалеко – пять минут вдоль деревни в Большом Тоннеле, еще столько же по тропинке через снежное поле под Старым Куполом, и – вот она, Мэрия! Огромный деревянный домище, почти в два этажа.

Обычно на собрание приглашались лишь главы семейств – все желающие в Мэрии бы не поместились. Но из нескольких тысяч, населявших Колонию, желающих находилось лишь двадцать или тридцать человек, а глав семейств и того меньше.

– Спасибо, дорогие друзья, что вы нашли время прийти на наше традиционное... э... – мэр вытер платком выступивший на лице пот, поглядел на помощника, тот что-то прошептал, прикрывая рот ладонью, – сто тридцать седьмое собрание!

В зале раздали жидкие аплодисменты.

Ленка встала почти у выхода, чтобы по окончании выскочить первой. Ей не хотелось ждать, пока «дорогие друзья» будут неспешным шагом покидать Мэрию. Она не могла объяснить себе, чего ждала от этого сборища, ведь каждый раз решала не ходить. Но слабая искорка, надежда на что-то новое, остававшаяся в глубине души, толкала ее вперед. И она шла – угрюмая, заранее раздосадованная, в своем парадном, фальшиво-оранжевом пуховике.

Мэр отчитался о расходе зерна, не сказав ни слова о том, что никто уже не надеется на эти подачки и все живут своими грибными плантациями. С воодушевлением объявил, что ревизия продовольственных запасов позволяет им с уверенностью смотреть в будущее! По крайней мере, на ближайшие десять-двенадцать месяцев. Еще раз провел влажным платком по мясистой шее, смахнув выступающие капельки пота. И после громких победных заявлений, как обычно сурово предостерег: «ценные материалы, в первую очередь дерево, найденные на территории Колонии, сжигать строго запрещается!» В зале раздали смешки, но мэр сделал вид, что не заметил.

Ленка махнула рукой: нет, сегодня определенно не тот день, когда можно было бы ожидать изменений в жизни! Она вышла на улицу.

Адская машина – климатическая установка – работала непрогнозируемыми скачками, поэтому вчерашний пятидесятиградусный мороз сменился утром двадцатипятиградусной оттепелью. Можно было даже не закрывать лицо платком.

Она неспешно зашагала домой. Снежное поле под куполом наносилось десятилетиями, сюда выходил один из воздухопроводов с высоким уровнем влажности. Черт его знает, откуда в него попадала вода – то ли из забытых ржавеющих резервуаров, то ли еще откуда, но конденсат замерзал, влетал под купол вместе с потоком воздуха и оседал снежными сугробами.

Ленка шагнула в сторону от тропинки, провалилась по колено, но упрямо направилась по пологой дуге, увеличивая путь и создавая себе лишние трудности. А ничего, пускай посмотрят на следы! Она знала, что остальных колонистов это раздражает – как же, отступить от намеченного пути, проторенного поколениями предков! Ленка сплюнула в сердцах, почти как дед. «Поколения, предки... Сдавшиеся, ни на что не годные трусы и лентяи! Цепляются за свое жалкое существование, не желая даже подумать о том, чтобы изменить что-то к лучшему!».

По ее лицу дед сразу понял, что расспрашивать особо не о чем.

– Иди, погрейся, гулена. Сейчас чайник вскипит.

Девушка села у очага, в котором жарко пылали нелегальные дровишки, протянула руки к огню, шмыгнула носом.

Дед приобнял ее за плечи, понимающе погладил по светлым волосам.

– Правильно думаешь, Ленка. Дураки они все.

Она вскинулась, посмотрела ему в глаза.

– Все о жратве пекутся, а разве это главное?

– А что главное, дед?

– Главное, солнце мое, энергия! Вот что нам нужно. Энергия! С ней что хошь можно замутить. А с этими их дохлыми генераторами... Да ну, позорище. Реактор нам нужен!

Зная, что в голове у старого плута кроется несметное богатство тайн, она тихо спросила:

– Где?

Он оглянулся на хлопчущую у плиты бабку и так же тихо ответил:

– Где Большие Склады. Там! Через тоннель с заброшенным кладбищем идти надо.

– Там же... – Ленка понизила голос до шепота, – мертвяки бродят!

Дед с силой толкнул ее кулаком в лоб.

– Нет там никаких мертвяков, чучело! Только лежащие в могилах, но их бояться нечего.

А слухи эти сама мэрская кампания и распускает, чтобы люди боялись. Оно, конечно, и правильно, ведь тоннель аварийный, не приведи господь, кого завалит. И все же пройти только там можно, без вариантов. Хотя нет, вру. Есть ещё один путь, но оттуда вообще живым никто не возвращался.

Дед пошамкал, посмотрел косо на Ленку.

– Только ты это, не вздумай. Одна-то. Поняла? Я ведь вижу, что загорелась уже. Но я тебе для чего рассказал? Среди друзей своих поищи двух-трех, понадежнее. И подготовиться надо.

– Куда девку настропалил? – встряла в разговор бабка, отвесив деду по голове поварешкой.

Ночью Ленка слышала, как старики, заменившие ей погибших родителей, перешептывались, уверенные, что она давно спит.

– Дурак! Опять ей голову забиваешь сказками о своем ковчеге?!

– Сама ты дура! Старая. Я вообще не о том. Не понимаешь ничего, а лезешь. Э-э, да ну тебя!

Ленка провалялась еще часа три. Обо всем успела подумать: и о тоске по своей бездарно уходящей молодости, и о людях, которые перестали на что-то надеяться, мечтать. О странных разговорах думала, обрывки которых часто слышала из дедовой комнаты, когда к нему приходили почтенные колонисты – про другое, еще большее оледенение. И про то думала, что страшно там, на заброшенном кладбище.

Поднялась тихо, оделась потеплее, не пожалев для дела даже парадный пуховик. Взяла немного еды – на несколько дней хватит. И ушла. Не послушалась деда.

* * *

– Ну меня-то послушайте, Господин Йерн! Пойдите же, прошу вас!

Джейми круто развернулся, схватил фермера за грудки и приподнял над мерзлой землей.
– Ты знаешь, сукин сын, что там, – он кивнул головой куда-то в сторону, – люди от голодадохнут! А у вас здесь... Свиньи!

– Это не то, что вы думаете! – запричитал напуганный человечек с круглой, откормленной физиономией, годами едва ли не в два раза старше Джейми.

Тот с омерзением отпустил фермера и зашагал дальше.

В укрытом от посторонних глаз хлеве было чисто, тепло и даже уютно. Не каждый дом мог похвастаться такими условиями.

– Сколько всего свиней?

– Было шесть и четыре маленьких поросенка.

– Сколько пропало?

– Два. Маленьких.

Джейми внимательно осматривал место преступления. За свою недолгую егерскую карьеру он успел повидать разное, но сейчас был зол как никогда! И более всего ненавидел он в этот момент даже не круглолицего, а мэра и всю его администрацию, для которой, судя по всему, и разводили втихаря свининку.

– Эта тварь давно повадилась в наши края шастать! Я уж сколько раз следы замечал, – участливо докладывал фермер.

– Что за тварь?

– Так если б я знал! Следы большие, с когтями. Приходила по ночам, обычно со стороны резервных коллекторов. Сам я ее не видел, только следы!

– Думаешь, она свиней уволокла?

– А больше некому!

Джейми вышел из хлева. Прошелся вокруг, глянул на окрестности, терявшиеся в сумраке, припорошенные конденсатным снегом. Посмотрел под ноги.

– А ну-ка, поди сюда.

– Куда, господин Йерн?

– Вот сюда встань, рядом с этим следом. Хорошо, а теперь отойди. Хм... Кто, кроме тебя, за свиньями смотрел?

– Никто, богом клянусь! Я один здесь. Сами понимаете – дело такое... деликатное. Нельзя было посторонних привлекать.

– Вот я тебя привлеку, когда вернусь.

Лицо фермера побелело.

Джейми знал, что в этих местах и раньше случались исчезновения. Вот только пропадали не свиньи, а люди. Обычно одинокие, жившие особняком, никто и не следил за их судьбой. Может, за дровами человек пошел и сгинул, замерз, от голода помер, да мало ли. Хотел Джейми за это всерьез взяться, а тут – свиньи, как будто специально, для отвода глаз! Странное дело. И след вот еще. Человеческий след, к тому же не фермерский башмак, подошва побольше. Значит, был тут еще кто-то. Впрочем, когтистые следы Джейми тоже нашел, как и указал круглолицый, ближе к коллекторам. Что ж, придется выслеживать. Гиблые там места, с магистральным воздуховодом пересекаются – от самой Адской машины поток идет, ветер, да и температура до минус семидесяти может доходить. Но ничего не попишешь, надо!

В одном из коллекторов он быстро отыскал цепочку знакомых отпечатков. Здоровая зверюга! На четырех лапах. Откуда она взялась? Колония большая – сотни километров переходов, корпусов, галерей, двадцать три купола разных размеров. Но почти везде обитают люди, не терпящие соседства с опасными хищниками. Значит, снаружи пришла. Где же пробралась, зараза?

Уже двинувшись по тоннелю он заметил ход, ответвление. Прикинул, куда тот вести может – тупик, технический закуток, или... Если так по дуге и закружится, то через полтора

десятка километров в тоннель с заброшенным кладбищем упрется. «Эх, если б сам скрывался, точно бы туда рванул! Даже жалко оставлять непроверенным». Но следы твари вели дальше по коллектору, за ними он и пошел.

* * *

Она вышла к тоннелю с заброшенным кладбищем вечером следующего дня. Дневной переход дался Ленке нелегко: температура опять упала, почти до сорока, а развести огонь было не из чего. Что там дед говорил про Адскую машину? «Она не сломалась, нет! Она лишь хочет избавиться от блох. От нас, людей. Она, ешкин кот, сама себе сингулярность». Может и так. Дед верил, что операционная система климатической установки эволюционировала, и теперь следит за каждым шагом каждого человека.

Из вентиляционных шахт, мимо которых Ленка проходила, иногда дул ветер, а если в какой случалась протечка, то еще и выюжило снегом. И еще ей казалось, что позади, в глубине тоннеля, за ней кто-то бредет.

Ленка остановилась. В очередной раз оглянулась, хлопая заиндевовшими ресницами. Хруст снега под тяжелой поступью, который мерещился ей уже несколько раз, и который казался особенно неприятным здесь, в месте упокоения первых колонистов, растворился в утробном завывании ветра. Ленка вздохнула, с содроганием поглядывая на земляные холмики, увенчанные нехитрыми надгробиями. «Хорошо тебе, дед, говорить, что мертвецов нечего бояться! А ну как вылезет сейчас из могилы... Тьфу, дура! Тьфу, тьфу, тьфу!» Ударилась сама себя по щеке, нарочито весело и громко матюкнулась. Попыталась растянуть губы в улыбке.

– Ерунда! Это все суеверные, безосновательные... Аааа!!!

Кусок бетона, отвалившийся от свода тоннеля и рухнувший прямо за ее спиной, заставил девушку с визгом подпрыгнуть, после чего она опрометью бросилась бежать, поскользываясь, перепрыгивая через могилы. Перед глазами мелькали вырезанные на камне или нарисованные на пластике даты рождения и смерти.

– Ах!

Ленка споткнулась, полетела вперед, выставив руки. От удара о каменный валун, водруженный на одну из могильных плит, в глазах у нее потемнело. Ленке показалось, что она сломала оба запястья. Камень покачнулся, завалился на бок и медленно съехал с плиты.

Девушка жмурилась от боли, прижимая к себе руки. Ее крик прокатился по всему кладбищу, отражаясь от серых стен, изъеденных оспинами разрушения, превратился в слабый стон, потом в злое шипение. Прошло несколько минут, пока она не пришла в себя. Ленка села, проморгала выступившие на глазах слезы. Попробовала пошевелить руками. Больно, но терпимо. Значит ушиб, не перелом. С досады пихнула ногой край железной плиты, которая на удивление легко поддавалась. Похоже, когда-то она была простой металлической дверью.

– У-у, гадство!

Продолжая разглядывать свои запястья, краем глаза заметила движение. Не поверила, замерла. Ужас холодком пощекотал ей спину. Медленно, упираясь в землю ботинками, отползла подальше. Ленка была готова поклясться, что видела, как из приоткрытой могилы высунулась и быстро скрылась обратно... Рука? А может, просто тень? Игра света?

Она поднялась. Надо бы попробовать снова придавить плиту камнем. Но нет, фигурки! Она туда не вернется. Да и куда ей с ушибленными-то руками? А может, правда почудилось? У страха, говорят, глаза велики. Она недолго колебалась, любопытство взяло верх над страхом и беглянка снова приблизилась к камню. На его поверхности она разглядела выбитые строчки: «Памяти жертв аварии в радиационной лаборатории номер 13». Далее – список из восьми имен, с разными датами рождения и одной на всех датой смерти.

– Ты чего там делаешь, любопытная Варвара?

Ленка вздрогнула, обернулась, уставившись распахнутыми глазами на фигуру, идущую с той же стороны, откуда пришла сама. Не узнать этого человека было невозможно, и от сердца у нее отлегло.

– Не Варвара я, меня Ленка зовут.

– Знаю. Чего натворила, спрашиваю?

– Я случайно, господин мэр.

Он подошел, увидел сдвинутую плиту.

– Нехорошо, нехорошо.

С кряхтением поставил металлический прямоугольник на место, попробовал перекатить на него камень. Но тот был тяжел даже для взрослого мужчины.

– Вот незадача. Да-а, нехорошо, – снова повторил он, почесывая затылок, – Как же ты его умудрилась?

Она пожалала плечами.

– Ну ладно, потом позову кого-нибудь, сделаем как было. Идем! – он легонько пихнул ее в спину, направляя не в сторону деревни, а дальше по тоннелю, – Переночуем в пещере, здесь недалеко. А завтра провожу тебя домой.

Мэр еще раз обернулся, с досадой и беспокойством взглянув на могилу.

Среди валунов, бывших когда-то частью разрушающихся тюбингов, можно было отыскать уютное логово. Но никто бы не поручился, что во время сна тебя не засыплет новой порцией бетонного крошева. Поэтому Ленка искренне радовалась встрече с мэром, хоть и понимала, что миссия ее провалилась.

– Расскажешь, куда и зачем шла?

Она промолчала, но не потому, что не хотела говорить – просто не знала, с чего начать.

– Дед наводку дал?

Она кивнула.

– Ясно.

Они медленно пробирались вперед, обходя стороной подозрительные места. Вскоре впереди показалось пятно, темнеющее на стене тоннеля, которое можно было принять не то за выемку, образовавшуюся после обвала, не то за искусственное углубление. Подойдя ближе, Ленка поняла, что это и есть вход в пещеру, внутри которой оказалось гораздо теплее, да и ветра почти не чувствовалось. Возможно, ее купол подходил слишком близко к поверхности земли.

Привыкнув к сумраку, Ленка осмотрелась. То, что она увидела, заставило ее насторожиться: вокруг было множество человеческих костей, они валялись на земле без всякого намека на захоронение. В центре пещеры пепельным пятном виднелось кострище, рядом с которым лежал череп и еще несколько костей. Не до конца обглоданных. Ленка обернулась к мэру.

– А что здесь...

Договорить она не успела: хлесткий удар по лицу уложил ее на холодные камни. Какое-то время перед глазами у девушки плавали разноцветные круги, потом ясность сознания вернулась.

– М-м-м... Какого черта...

Она попыталась сесть, но с первого раза не вышло, снова откинулась на спину.

– Лежи. Сама же пришла, чего теперь. Обычно таких, как ты, я не трогаю, – он брезгливо поморщился, – Искать ведь будут. Особенно дед твой, всех на уши поставит. Ну ничего, господин Йерн найдет виноватого. Он как раз топает по следам волка. Знала бы ты, какого труда стоило мне заманить зверюгу в наше ледяное царство. Зато будет теперь на кого свалить всех пропавших.

Господин мэр вытер платком бисеринки пота со лба, достал старый, с зазубренным лезвием нож. Сталь погладила девушку по щеке, оставляя кровавую полоску.

– Я давно не ел...

До могилы, потревоженной несколькими минутами ранее, едва слышно доносился ее испуганный голос: «Нет! Нет! Не трогайте меня!».

Освобожденная от камня плита вздрогнула. Приподнялась, сползая в сторону.

В пещере мэр смотрел на тонкую ленкину шею, ее увлажнившиеся глаза, приоткрытые губы.

– Не подумай ничего плохого, – на откормленном лице людоеда отразилось сомнение, – Но мне нужно!

Он облизнулся, продолжая нависать над жертвой душным, отвратительным мешком.

* * *

Купол почти не давил сверху, настолько он был огромен! Один из самых больших в Колонии. Джейми уже час шел по следам твари, пересекая кварталы разрушенных, замерзших, заметенных снегом построек. Мутная полусфера над головой, состоящая из секций-шестигранников, изнутри была покрыта коркой инея.

Приблизившись к краю грандиозной конструкции, Джейми остановился. Следы уходили в пасть единственного открытого с этой стороны тоннеля. «Глупое животное! Ничего хуже и придумать нельзя!».

Он покачал головой, взглянул вверх, на уходящую ввысь стену из стекла и металла, и, повинувшись сиюминутному порыву, быстро вскарабкался по служебной лестнице, к первому ряду шестигранников. Махнул рукавом по стеклу, стряхивая снежную шубу, потер ладонью, подышал. В ледяной корке проступил кружок чистого стекла, и Джейми прильнул к нему, затаив дыхание. По ту сторону купола по прежнему дышала раскаленным маревом Рыжая пустыня. Солнце – огромное, покрасневшее – занимало половину небосвода.

Егерь нахмурился. Ничего нового. Да и нечему там появиться. Разве может остаться кто-то живой?

Он спустился, вошел в тоннель, прибавил шагу. Надо настигнуть зверюгу до того, как она подойдет к магистральному воздуховоду. Иначе можно и самому не вернуться. Был велик соблазн бросить погоню – глядишь, сама там сдохнет. Но если люди, не дай бог, начнут пропадать снова, он себе этого не простит! Нет, надо ее догнать.

Через какое-то время он заметил, что следы стали петлять, выписывать зигзаги: тварь снизила темп, он настигал ее. Забеспокоилась? Еще бы! Холод собачий, градусов, наверное, пятьдесят, обжигающий ветер в лицо. Есть от чего разволноваться. Но упрямое животное не хотело поворачивать, шло вперед и вперед. Они приближались к жерлу климатической установки. Тварь решила пройти магистраль. Это было безумием, но он сжал зубы, двинулся следом. И вот впереди показался Перекресток. С каждым шагом низкочастотный гул нагнетаемого воздуха становился сильнее, вселяя ужас, сжимая душу ледяной хваткой, замораживая, сковывая движение. Джейми увидел зверя. Огромный волк, прижавший уши, покрытый ледяными сосульками, рысью преодолевал одно из самых страшных мест Колонии.

Джейми закрыл лицо так, чтобы под толстым шарфом оставалась лишь тоненькая шелка для глаз. Дыхание его стало частым, дрожь то и дело пробегала по замерзающему организму, но он заставлял себя идти, не замедляясь ни на мгновение. И только в самом центре Перекрестка остановился. Нет, не от усталости, не от холода и не от страха. Из любопытства. Невозможно было дойти до места, откуда никто не возвращался живым, и не взглянуть. Джейми медленно повернул голову направо, навстречу сильному воздушному потоку. В паре километров отсюда находилась она, Адская машина. Переставшая работать как надо, сломавшая

жизни нескольких поколений. Установка, необходимая лишь для того, чтобы помочь людям дожидаться прилета корабля. Эх, если бы корабль прилетел вовремя... Но за ними, жителями последней Колонии, так никто и не вернулся.

Через полчаса Джейми понял, что не сможет далеко уйти. Она не отпускала его. Он замерзал. Егерь с трудом перевалил через снежный холм, остановился, поднял голову. Перед ним стоял волк. Такой же измученный холодом, как и он сам. Выпустив из пасти облачко пара, волк оскалился, зарычал, хотел отойти, но споткнулся, и, с трудом поднявшись, замер.

Джейми медленно подошел к нему, протянул руку. Волк не реагировал. Тогда он высмотрел между сугробами низину, ухватил зверя за оледеневший клочок шерсти и потащил. Не сразу, но ему удалось сдвинуть его с места. Достигнув намеченной цели, он стал толкать огромную тушу, пока волк не завалился на бок. Джейми лег рядом, прижался к шкуре дикого зверя, попытался обнять его. В ответ снова послышалось недовольное рычание, но и оно скоро смолкло. В серой волчьей шерсти, прямо перед глазами Джейми, что-то блеснуло. Он протянул руку, нащупал металлический медальон. Сощурился, разглядывая гравировку: «Биомех. Мод. В1. Сделано Лаб.13».

Остатки жизненных сил двух теплокровных соединились, позволяя прожить еще немного, еще чуть-чуть.

Через несколько часов волк вздрогнул, открыл глаза. Тепло, накопившееся в месте соединения двух тел, притягивало зверя, не отпускало. Но он поднялся, выпрямил затекшие лапы, отряхнулся от снега. Человек продолжал лежать перед ним с закрытыми глазами. Волк потянулся к нему зубастой мордой, понюхал, раздувая ноздри. Казалось, он внимательно разглядывает лицо Джейми. Минуту, другую, потом фыркнул, отвернулся и затрусил дальше по тоннелю.

К егерю сознание возвращалось медленно.словно тревожный колокольчик звенел где-то внутри: «просыпайся, замерзнешь!». Что-то мягкое, теплое, прикрывавшее его от ветра и стужи вдруг исчезло. И мороз снова запускал под одежду костлявые пальцы.

Джейми проснулся, посмотрел на ямку оттаявшего снега, образовавшуюся рядом с ним. Попытался разогнуть руки, пошевелить ногами. Они плохо его слушались. Получится ли у него встать? Нет, вряд ли. Неужели придется здесь умереть?

* * *

Ленка не верила, что еще жива. Голова гудела – господин мэр еще раз хорошенько приложил девушку о камни. Несчастливая лежала на спине, звуки доходили до нее словно издалека. Преодолевая боль, Ленка приподнялась. Мучитель стоял на коленях, суетливо расстегивая на ней одежду. Теперь она пожалела, что жива: поняла – сопротивление оказать не сможет. И тут увидела тень. Там, за спиной людоеда. Тень, или сгустившуюся тьму – толком не разберешь. Будто человеческая фигура, опустившаяся на все четыре конечности, медленно вползла в пещеру и направилась к ним.

Мэр посмотрел Ленке в лицо, перехватил испуганный взгляд, обернулся, запоздало почуввав опасность, но не успел ничего предпринять: кто-то ухватил его за ноги и быстро поволок к выходу.

Дикий вопль господина мэра продолжал доноситься из глубины тоннеля, когда Ленка опомнилась, вскочила, застегивая штаны. С трудом смогла сохранить равновесие, сделала шаг вперед, ещё один. Остаться в пещере она не собиралась, не хотела стать следующей. Морозный ветер помог ей прийти в себя. Пошатываясь, запинаясь, но с каждым разом переставляя ноги все увереннее, она двинулась к Большим Складам.

Крик скоро затих, и это ее насторожило. С одним расправились, сейчас пустятся вдогонку за ней. Ленка пошла быстрее, переходя иногда на бег. Но ни через полчаса, ни через час погоня не обнаружилась.

«Что это было? Все-таки наврал дед, существуют живые мертвяки? Нет, не похоже на человека. Хоть бы и мертвого. Только очертаниями, а так... Будто черный туман ожил, захотел прикинуться существом с двумя руками и ногами. Однако выбралось оно из могилы, в этом сомнений нет. Как там на камне написано? „Жертвам аварии в радиационной лаборатории“. Да уж, от такого чего угодно ожидать можно!».

Ленка шустро продвигалась вперед. Еще пара часов – и она вошла в исполинское помещение, уходящее вверх на добрую сотню метров, заканчивающееся куполом, разделенным на несколько секций. В центре помещения находилась округлая в сечении конструкция, напоминающая башню.

– Вот тебе и Склады! – сказала она сама себе и устало опустилась на холодный металлический пол. Жутко хотелось лечь и заснуть. А еще сожрать чего-нибудь. Но она вдруг вспомнила мэра, то, что сама чуть не стала обедом, и голод на время ушел, сменившись легким приступом тошноты.

– Вот ведь ублюдок. А еще мэр! Ну ничего, я им расскажу, кем он был на самом деле.

Она так ясно представила себе его омерзительную рожу, его пухлые ручки, бьющие ее головой об пол пещеры, его хриплый голос – «Нехорошо, нехорошо», что даже показалось, будто слышит его снова.

– А-а-а... Эй!

Ленка вскочила, попятилась к железной башне Складов. «Да не может быть!».

Из тоннеля выбежал задыхающийся, окровавленный господин мэр. Одежда на нем была изодрана в клочья, одного рукава на куртке не было, и, Ленке показалось, что куска мяса на руке тоже. Зато в другой он крепко сжимал знакомый нож с зазубренным и, почему-то, почерневшим лезвием.

– Помогите! Стой! Ты... Ты должна мне... помочь!

Ленка бросилась вокруг башни, она знала – где-то должен быть вход.

– Да стой же ты, дура!

Она боялась не этого израненного, пусть и вооруженного ножом толстяка. Ленка боялась того, кто его преследовал. Огибая здание, она быстро оказалась на другой стороне.

Ахнула, попыталась затормозить, откидываясь назад, падая на спину. Прямо перед ней стоял огромный зверь. Умные глаза смотрели спокойно, без тени агрессии.

– Аа! Ой, бл... Слава тебе, господи! – мэр, бежавший за ней, тоже увидел волка, – Вставай. Вставай, он нас не тронет.

Ничего не понимая, Ленка поднялась, прижалась к металлической стене, стала обходить вдоль нее зверя. Люк, ведущий в складские недра, обнаружился совсем рядом. Она дернула за ручку, но та не поддавалась. Дернула еще раз, вкладывая в каждый рывок все силы, что у нее еще были. Подбежал мэр, бросил нож, попытался помочь ей одной рукой, но и у него ничего не вышло.

Раздалось глухое рычание. Ленка обернулась, посмотрела на волка. Тот ощерился, холка его встала дыбом. Из-за изгиба стены появилось оно. Угольно-черное, двигающееся одновременно на руках и ногах, человекоподобное и одновременно чужое.

Мэр взвизгнул, наклонился за ножом, выронил его из руки, измазанной собственной кровью, в панике стал снова дергать люк. Ленка сама подняла его нож, выставила перед собой. За первым существом появилось второе, потом третье, четвертое... Восемь жутких, непонятных созданий. Но они не трогались с места, будто не могли решиться сделать следующий шаг. Между ними и людьми стоял волк.

– Кто это? – дрожащим голосом спросила Ленка у мэра.

Тот отвлекся от заклинившего люка.

– Лаборанты чертовы. Да что с этой дверью?!

Зверь первым двинулся навстречу опасности. Тени окружили его полукольцом, но он не стал ждать нападения, бросился сам. Твари шарахнулись в стороны, кроме одной – не успела. Мощные челюсти сомкнулись там, где у обычного человека голова соединяется с туловищем. Тень вздрогнула, по ней извивающимися змейками пошли голубые молнии, потом она покраснела, будто раскалившись, и... рассыпалась на мелкие осколки. Волк тут же развернулся в сторону следующей, ближайшей к нему. И тогда «лаборанты» кинулись на него вместе, с разных сторон. На пол брызнула кровь, в воздух полетели клочья шерсти. Снова молнии и рассыпающиеся кусочки. Сражение было стремительным и почти бесшумным: «лаборанты» не издавали звуков, волк лишь глухо рычал, да порой слышен был треск отрываемых кусков живой плоти.

Ленка и мэр не пытались больше открыть дверь. Они заворуженно наблюдали за яростной схваткой, надеясь, что на их долю ни одного противника не останется.

Россыпей горячих осколков становилось все больше, но волк уже с трудом сохранял равновесие, припадая сразу на две лапы. Левый бок его был распорот длинной, размашистой раной, приоткрывшей ряд металлических ребер. Кровь ручейком стекала на холодный металл.

На мгновение твари отошли от волка, перегруппировались, готовясь к новому нападению. Их осталось лишь три. Одна повернула голову к людям. Темный, размытый овал лица – ни рта, ни глаз, но Ленка чувствовала на себе чужой, пугающий взгляд. Вжалась в стену, когда тень сделала к ней шаг. Волк собрал остатки сил и прыгнул ей на перерез. Хруст, молнии, осколки... Зверь упал обессиленный. «Лаборанты» принялись разрывать его на куски, но он извернулся и сумел перекусить шею еще одному. Не способный больше ни встать, ни двинуться, сомкнул мощные челюсти на предплечье последнего. Тот нацелился на людей, дернулся, не смог вырваться сразу, с размаху вонзил свободную руку в окровавленное туловище волка, проворачивая ее то в одну, то в другую сторону.

Ленка поймала взгляд умирающего биомеха. Он подарил ей и мэру еще несколько мгновений, чтобы спастись. И тогда она стиснула рукоять ножа, быстро подошла к последнему чудовищу. «Лаборант» обернулся, отпрянув от просвистевшего мимо его шеи лезвия. От следующего взмаха он увернуться не смог: его голову сжал руками господин мэр. Еще одна россыпь углей и запах озона. Битва закончилась.

Ленка упала на колени, нежно обхватила ладонями голову волка. Тот покосился на нее одними зрачками, шумно выдохнул и... замер. Взгляд его застыл. Она кусала губу, не давая волю чувствам, потом тихо заплакала. Господин мэр попытался тронуть ее за плечо, но девушка отмахнулась.

Открыть дверь получилось лишь через несколько часов. Они прошли в темный зал, заваленный большими деревянными ящиками. Господин мэр привалился к одному из них и сполз на пол. Ладони он держал повернутыми вверх, растопырив пальцы. Ленка заметила на них следы ожогов.

– Кто они такие? Эти... лаборанты?

Мэр не отвечал. Глаза его были закрыты. Девушка подошла ближе, потрясла его за плечо, ударила по щеке, потом решила проверить пульс. Еще живой. Отодвинулась. Она могла попытаться спасти его. Но не могла с уверенностью сказать – хочет ли.

Ленка вышла из зала. Шаги еще какое-то время были слышны, потом все стихло. Мэр остался один. Лужица крови под ним медленно расплзлась, увеличиваясь в размерах.

Девушка успела вернуться до того, как все было кончено. Нагруженная бинтами, шприцами, какими-то ампулами. Перевязала, вколола, села в ожидании. Тепло и усталость сделали свое дело, довольно скоро она задремала, и, завалившись на бок, провалилась в мир тревожных сновидений.

* * *

Ее трясли за руку. Небрежно, неуклюже.

– Не-ет... Отстань!..

Она отмахнулась. Хотелось еще поспать, понежиться в постели, не думая о жгучем морозе за стенами дома. Тепло, большого дома, вход в который, обитый тряпьем и войлоком, открывается с таким трудом.

Ленка вздрогнула, распахнула глаза. Над ней склонился господин мэр. Девушка нахмурилась, отодвинулась.

– Извини, я не хотел испугать.

Лицо его потемнело, но умирать он явно не собирался.

– Спасибо, что... – мэр посмотрел на свою перевязанную руку, поморщился от боли, – Я понимаю, могла бы и не спасать.

Ленка одарила его гримасой презрения.

– А я еще не решила окончательно.

Он кивнул.

– Конечно. Послушай, девочка. Раз уж мы здесь, вместе, я должен сказать, что все это...

– Что? Не склады? А корабль? Да знаю я.

Мэр был искренне удивлен.

– Знаешь? Откуда? Неужели дед проговорился?

– Ха! А если бы и проговорился? Разве не мог он мне рассказать, если бы захотел? – улыбка медленно потухла на ее лице, – Но из старого и клещами ничего не вытянешь. Я у него книжку нашла, давно уже, девчонкой еще сопливой. Называется «ТТХ и планировка уровней грузопассажирского космического корабля». Так что... Я всегда знала, что есть большой ковчег. Рассчитанный на гражданских переселенцев, поэтому и управлять им научиться не сложнее, чем грузовиком. Так ведь?

– Так.

Они замолчали. Будто все слова пропали, разлетелись на ничего не значащие звуки, буквы, и сказать друг другу больше нечего, да и кто он ей, а она ему, чтобы поддерживать непринужденную беседу?

– Что теперь? – она первой нарушила молчание.

Он пожал плечами.

– Ты считаешь меня чудовищем?

Ленка не ответила.

– Наверное, так оно и есть. Но ты даже не представляешь, через что мне пришлось пройти. Это же не просто так, это не прихоть, не сумасшествие. Когда отец впервые привел меня в пещеру, показал на кусок мяса и сказал – «ешь!», я... Я потом пытался на свиней перейти, правда! Они биологически похожи на людей.

Мэр суетливо теребил бинт на раненой руке, глаза его бегали из стороны в сторону.

– Генетические эксперименты – это все они виноваты! Наши ученые... Яйцеголовые идиоты! Они работали с мутациями, хотели приспособить человеческий организм к экстремальным температурам, чтобы можно было выжить и здесь, и там.

Он кивнул головой наверх, туда, где над кораблем были сомкнуты сегменты раскрывающегося купола гигантской пусковой шахты.

– Какие-то особые гены, UCP1, ENPP7, и еще один, не помню название. Что-то там связано с производством тепла, метаболизмом жиров. Получение энергии путем высвобождения внутриклеточной энергии, как расщепление атома. Словом, каждый человек – маленькая атомная электростанция. Но сначала экспериментировали с биомеханическими организмами.

– Волк?

Мэр кивнул.

– Он был последним. Раньше жил в лаборатории, а потом его выставили наружу. Чтобы проверить – выживет или нет. Обрато, конечно, не пустили. А у него инстинкт, он хотел вернуться в лабораторию. Так и бродил вокруг Колонии, пока я его не заманил. Я хотел следы замести, свалить на волка все случаи с пропавшими без вести. А в результате биомех жизни нам спас.

Он прерывисто вздохнул, покачал головой.

– Потом стали на людях экспериментировать. Сначала все хорошо шло, никаких осложнений. Вакцинировали верхушку, чиновников администрации, вроде как в качестве привилегии. И тут эта история с персоналом в тринадцатой лаборатории! Мутация оказалась нестабильной, она изменила их. Совсем изменила! Никто точно не знает, но, похоже, тела лаборантов перешли на радикально иной энергетический уровень. Их попытались уничтожить. Изолировали в лаборатории и пустили высоковольтный разряд по металлическому полу. Думали, что все кончено, никаких признаков жизни, свалили в яму, и... камень на металлическое надгробие.

Надолго замолкнув, мэр смотрел на Ленку, ждал вопросов, сочувствия или ненависти. Но она, казалось, была безразлична к его исповеди.

– Впрочем, я чувствовал, что они не умерли. Все время туда приходил. Сначала с отцом, мне тогда лет десять было, а потом, когда он под завал попал, и один. Проверял могилу, прислушивался.

– Зачем людей-то жрал?

Мэр поднял голову, посмотрел на девушку. Скривился от неясного чувства – то ли жалости, то ли ненависти к самому себе.

– Кроме лаборантов оставалось семь человек вакцинированных. Двое покончили с собой, остальные жили в страхе. Ждали. И мы с отцом тоже. На начальных стадиях мутация развивается медленно, ну а потом... Потом процесс не контролируется. Лишь поглощение и ассимиляция не мутировавшего белка позволяет дать отсрочку. Это сообщил последний яйцеголовый, профессор, который пытался в одиночку замедлить или повернуть мутацию вспять. Он написал в предсмертной записке: «белок не вакцинированного человека тормозит процесс». И пустил себе пулю в лоб. Вот, собственно, и все. Сейчас я один, остальные уже умерли.

Ленка прошлась между ящиками, небрежно переступая через вытянутые ноги мэра. Тот молча наблюдал за ней.

– Постой-ка. То есть ты хочешь сказать, что если не будешь жрать людей, то станешь таким же, как эти? Веселенькое дельце! Нам нужно найти еду. Нормальную, – она многозначительно посмотрела на людоеда.

– Мне это не поможет. И вообще, вероятно, это отсек с запчастями. Еду нужно искать дальше. Смотри маркировку на контейнерах.

Они отыскали складское помещение с продуктами. Ленка достала из пожарного щита аккуратный топорик и расковыряла первый попавшийся ящик с консервами. К счастью, на крышках у банок были кольца.

– Нуфно дофдаться егеля, – прошамкала она с набитым ртом, – Вмэфте фто-нибудь пли-думаем.

– Послушай, девочка. Он должен был идти за волком. Но через тот тоннель человеку пройти невозможно.

– Заткнись! Мы его дождемся. И я тебе не девочка.

Он кивнул, не решаясь больше спорить.

– Хорошо. Но что ты собираешься делать дальше?

– Кое кого я с готовностью оставлю здесь. А сама намерена свалить с Земли!

– Куда?

– Туда же, куда и остальные.

Он с сомнением отложил так и не вскрытую банку тушенки, с трудом поднялся.

– Я должен тебе кое что показать.

– Что еще?

– Идем.

Они прошли извилистым коридором к лифтовой шахте. Несколько минут ждали, пока компьютер проверит электродвигатель, даст команду автоматике смазать застоявшиеся узлы и механизмы, и разрешит кабине с грохотом спуститься вниз.

Створки железных дверей пропустили их внутрь, снова сомкнулись, начался подъем. Ленка смотрела, как господин мэр поминутно вытирает пот со лба. Ей было жутко находиться в замкнутом пространстве с людоедом, который, к тому же, мог превратиться и в нечто более ужасное. Невольно хотелось отойти подальше, но деваться в лифте было некуда.

Наконец кабина остановилась. Еще один коридор, лестница, и они оказались в рубке управления. Это помещение опоясывало один из последних уровней корабля. Пустые кресла, отключенные столы голографических навигационных проекций, и мониторы, мониторы, мониторы...

Мэр тяжело плюхнулся в ближайшее кресло, активировал терминал, приложив к нему ладонь.

– Смотри.

Ленка подошла ближе, наклонилась. На экране в режиме слайд-шоу мелькали фотографии: заснеженные поля, ледяные торосы, какие-то подобию людских строений, и снова снег, лед, промерзшие скалы. Потом появились текстовые файлы: отчет номер один, два, три...

– Данные стали поступать через сорок три года после общей эвакуации.

– Что это?

– Это то, куда «свалили остальные». Хинику-21, четвертая планета от звезды Кьори. Думали, попадут в рай. Какова ирония, а? Оказывается, там тоже начался ледниковый период.

Мэр гнусно захихикал, но потом закашлялся, прикрывая рот трясущейся рукой.

– Поэтому мы не полетели за ними, да?

Он удивленно взглянул на Ленку.

– Нет, моя дорогая. Мы не полетели, потому что кучке таких «крепких хозяйственников», как мой драгоценный папочка, или, кстати, твой дедуля, пришла в голову «гениальная» мысль: насрать на судьбы жителей Колонии. Сказать им, что корабль за нами просто не прилетел. Ну а что? Ведь удобно! До конца света время есть – пара тысконок лет у нас в запасе, расширяющееся Солнце не сразу уничтожит Землю. А пока можно поиграть в собственное карманное государство!

– Но... Но ведь ты... Вы... Мэр. Можно же было сказать людям, что-то изменить, организовать...

– Перестань. Ты не хуже меня знаешь, что этих примороженных с места не своротить. Вцепились каждый в свой клочок земли и героически прозябают на нем.

Ленка схватилась за голову, понимая, что он прав. Не своротить, не организовать. Им не нужен этот корабль. Не нужны звезды, другие планеты. Только очередное собрание в мэрии, где соврут, что все хорошо. Она вдруг вспомнила про деда и бабушку. Родные ей люди, которые кормили, защищали, воспитывали. Может, хотя бы их спасти? Вдруг уговорит, заставит, в конце концов! Нет, скорее дед запрет ее, а с кораблем они что-нибудь сделают, чтобы уж точно никто не улетел.

Мэр вдруг дернул ворот вязаной кофты. Встал с кресла, с хрипом втягивая в себя воздух. Ленка заметила, что лицо его стало еще темнее, она отшатнулась.

– Послушай. Я не хочу стать... Господи, как жарко! – он смотрел на нее исподлобья, – Иди ко мне.

Нож остался внизу, но она понимала, что в таком состоянии он, пожалуй, разорвет ее и зубами. Ленка попятилась.

– Мне нужно лишь немного твоего белка. Свежего, прохладного белка. Да-а, прохладного...

Она быстро огляделась в поисках хоть какого-то оружия – острого, тяжелого – чего угодно! Но рядом не было ничего, что могло бы ее спасти. «Дура, надо было взять топорик!»

Он протянул к ней руки. Ленка развернулась и бросилась бежать по закольцованному помещению рубки. Тяжелые шаги сзади, хриплое дыхание. Сколько можно бежать по кругу? Это не спасение! Она обернулась. Секундной заминки оказалось достаточно, чтобы мэр налетел на нее, сбил с ног, повалил на пол. Его зубы клацнули в сантиметре от ее шеи. Он принялся рвать на ней одежду, добираясь до вождельной плоти.

Ленка визжала, отпихиваясь руками и ногами, но жажда придавала сил человеку, превращающемуся в монстра. Справиться с ним было невозможно.

С треском разошлась серая майка, открывая ее бледную грудь. Мэр приник к ней раскрытым, оскалившимся ртом. Девушка чувствовала, как смыкаются его челюсти – боль, кровь, струйкой проложившая дорожку по ее ребрам. Она задохнулась от ужаса, но... Он так и не смог оторвать кусок ее плоти. Замер, отодвинулся, глядя на Ленку широко раскрытыми глазами, в которых, она уверена, мелькнули на мгновение остатки чего-то человеческого. Мэр вздрагивал всем телом. На губах его была ее кровь.

– Там... – он вытянул руку, указывая на металлическую опломбированную дверцу, встроенную в стену, – Быстрее...

Перекатился на пол, освобождая девушку.

– Быстрее же... Убей... Меня!

Она рванулась к дверце, сорвала пломбу, дернула ручку на себя. Оружейный шкаф! Пистолеты отдельно, патроны отдельно. Обращаться с оружием она умела, но как же трудно было заставить себя хладнокровно, не оглядываясь, извлечь из шкафа пистолет, вынуть обойму, зарядить, щелкнуть затвором, и только тогда повернуться. Мэр отпустил себя. Человеческое в нем исчезло. Теперь уже навсегда. Он бросился на Ленку, нарвавшись на первый выстрел, замедлился, остановился, получив второй, упал на колени – третий, четвертый... Она использовала всю обойму. Перезарядила еще раз, использовала вторую, превратив череп мэра в склизкое красное крошево. Кровь шипела и пузырилась, растекаясь по полу.

Ленка выронила оружие. Отошла подальше, держась рукой за стену, потом согнулась пополам и ее стошнило съеденной недавно тушенкой. Утираясь и отплевываясь она ушла на другую сторону закольцованной рубки. Села на пол, закрыла глаза.

* * *

Первый громкий щелчок реле раздался там, на другой стороне. Тут же второй, чуть ближе. Потом третий. Они прокатились каскадом по всей рубке, по часовой стрелке, запуская терминалы на пульте управления. Зажглись мониторы, зашумела вентиляция.

Ленка открыла глаза, встала, удивленно оглядываясь. Кто их включил?

На всех экранах, последовательно загораясь слева направо, появилась одна буква – «Я».

По прежнему недоумевая, девушка подошла к ближайшему терминалу. Сознание отказывалось принимать еще одну страшную истину. На сегодня с нее достаточно ужасов. Хотелось, чтобы все это оказалось лишь сном. Надо проснуться! Дома, там где утепленные двойные двери, только чтобы открывались они легко, так, как и должно быть, чтобы можно было выйти в снежное поле под Старым Куполом, протоптать окольную тропинку в сугробах. Вот и весь протест, большего не нужно.

«Ты знаешь». Слова опять появлялись на мониторах по порядку, слева направо – «знаешь, знаешь, ЗНАЕШЬ, знаешь, знаешь...».

– Я не знаю! – выкрикнула Ленка, – Кто ты?!

Снова – «Ты знаешь, знаешь, знаешь... А-260-419-86-М – компьютер управления климатической установкой».

Ленка прикусила губу.

– Что тебе от меня нужно?

«Егерь жив, жив, жив... Отдай его мне!»

– Что?

«Отдай его мне! Мне! Мне!.. Убила всех моих рабов. Улетай, я отпускаю. Джейми оставь мне, сделаю его своим рабом, рабом, рабом...».

Ленка сжала вспотевшие ладошки в кулаки. Она лихорадочно соображала.

– Отпускаешь? Я тебе не верю!

Коротко взвыла сирена. На голограммах навигации появилось изображение Земли с пунктирной траекторией взлета. Виртуальная кнопка «старт» мигала красным.

«Нажми. Больше ничего не нужно. Уйдешь на орбиту, там сама решишь – куда лететь». И еще раз – «я отпускаю, отпускаю, отпускаю...».

– Нет! Я дождусь его и мы улетим вместе!

«Дура! Дура! Дура!.. Ты даже его не знаешь. Кто он тебе? Я могу сама запустить корабль, отправить тебя на Хинику-21, или в бесконечность космоса, или просто в разбухшее Солнце, Солнце, Солнце... Но мне любопытно. И важно знать правду о людях. Ты – принесешь его в жертву? Чтобы самой жить, жить, жить...».

Ленка протянула руку к виртуальной кнопке. Палец ее мелко подрагивал. Она отдернула руку, но... Потом медленно протянула снова.

– Я хочу жить, – шепотом, со слезами на глазах, – Ты не обманешь меня?

«Это я создала мутацию. Я! Я! Я!.. И подкинула ее людям, людям, людям... Но я лучше вас. И поэтому не обману. Оставь мне егеря. Ему холодно, он обморожен, а я могу ему помочь. Проведу в лабораторию. Одна инъекция, и Джейми станет тепло. Очень тепло!».

На всех мониторах, один за другим, слева направо: «Улетай! Улетай! УЛЕТАЙ! Улетай! Улетай!..».

Джейми оставалось пройти не больше пятисот метров до конца тоннеля, когда земля под его ногами задрожала.

Ещё один взгляд на часы

– Я же говорила! Я же говорила! Я же говорила! – она неслась по траве, на ходу расстегивая куртку. Светлые волосы развевались, из груди рвался крик.

– Эге-гееей!

Споткнулась о кочку, с трудом сохранив равновесие. Замедлила бег, остановилась. Упала на колени, раскинув руки в стороны, а потом – плашмя на землю, лицом в мягкий травяной ковер. Живое... Всё живое! Травинки, цветы, букашки, птицы в небе! Нужно просидеть в космосе долгие месяцы, чтобы понять, как всего этого не хватает.

Она перевернулась на спину, с наслаждением втягивая в себя сладкий аромат летнего луга. Села, обернулась на шаттл, стоящий на сопке, метрах в ста позади. Рик как раз появился в проеме люка.

– Иди сюда! – махнула ему рукой.

Глянув по сторонам, словно опасаясь чего-то, он спустился по трапу и направился к девушке.

– Ленка, ты бы хоть...

– Я знала! Я же говорила!

Он улыбнулся. Подошёл к ней, присел на корточки. Большой, сильный мужик. Серый комбез обтягивает бугрящиеся мышцы.

– Ну?

– Баранки гну! Я говорила, что это место офигенное! – Лена снова раскинула руки, будто пытаясь обнять и траву, и лес, и само голубое небо.

Рик ещё раз огляделся. Кивнул. А она вдруг бросилась ему на шею, стиснула в объятиях.

– Ты не представляешь, как я этого ждала! Как долго! Этого! Ждала!

– Как обычно, год, – спокойно ответил он.

Она отстранилась, взглянув на него с укором. Год? Его год и её год – величины несопоставимые. Но не обиделась. Слишком счастлива!

– Нам надо поесть, а то потом будет поздно.

Рик усмехнулся.

– Всё равно перед гибернацией промывание делать.

– А то ты не хочешь почувствовать вкус еды!

– Хочу, конечно, – признался он.

Лена вскочила и вприпрыжку бросилась обратно к шаттлу.

Он смотрел ей вслед. Девчонка. Маленькая, наивная девчонка. Что она здесь делает? Зачем согласилась?

Ленка подхватила брошенную куртку, покрутила ею в воздухе и с очередным гиканьем зашвырнула вперёд. Добежала, подняла и снова швырнула. Ее цветастая футболка пузырилась на ветру, приподнимаясь над белыми шортами, демонстрируя осиную талию, пока она не скрылась в темном дверном проёме. Через минуту вернулась с большим пластиковым контейнером. Таким же, как в прошлом году. Он знал, что будет внутри – не слишком шикарный, но все-таки обед. Довольно пресные овощи с гидропоники, восстановленное мясо, синтетический хлеб. Единственным натуральным продуктом была нелегальная бутылка коньяка, которую Лена раз в год доставала из надежного укрытия и к которой они бережно прикладывались, позволяя себе прямо из горлышка сделать два-три маленьких глотка. Не ради хмеля в голове, а чтобы почувствовать нечто настоящее, обжигающее.

– С днём рожденья!

– И тебя!

– А у меня в этот раз есть подарок.

– Подарок?

Она достала тонкую цепочку, на которой болталась пуговица с выштампованными на ней цифрами – 2100.

– Ты не сможешь взять ее с собой, но, по крайней мере, будешь знать, что верхняя пуговка у меня всегда расстегнута. Как ты любишь!

Рик посмотрел на самодельный кулончик, болтающийся вправо-влево, молча покачал головой. У него не было для неё подарка.

– И у тебя есть, – Лена слизнула с губ коньячный вкус, навалилась на Рика, поцеловала, пытаясь и с него собрать остатки горькой терпкости. Он перевернул ее на спину, навис над подругой. Девушка чувствовала его горячее, учащенное дыхание. Бросила быстрый взгляд на своё запястье. Раритетные механические часы со львёнком на циферблате, секундная стрелка движется размеренно, не торопясь, но каждое мгновение вычеркивает ещё один кусочек их счастья – тик-так, тик-так...

– Давай! Времени у нас немного.

Щеки ее зарделись румянцем, она закрыла глаза.

Безымянная звезда, которую они по привычке именовали Солнцем, закатилась за горизонт. Несколько часов двое не могли оторваться друг от друга. Сейчас они лежали, раскинувшись на траве, уставшие от борьбы, оставившей на их телах синяки и царапины.

Ещё один взгляд на часы. Тик-так. Тик-так.

– На тебе кто-то ездит.

– А?

Он осторожно снял с ее плеча зеленое насекомое.

– Прелесть какая!

– Надо убить. Вдруг какой-нибудь местный клещ.

– Я тебе убью, – она ударила его по руке, сбрасывая спасённого жучка в траву. – Убийца!

– Ну да... – он вдруг смутился, хрустнул костяшками пальцев, – Безжалостный.

Провела ладонью по его шершавой щеке.

– Нет. Ты хороший. Всё, не отвлекайся, скоро начнётся! В прошлом году мы на каких-то два дня опоздали. А я так хотела, чтобы ты это увидел.

На небе одна за другой загорались звезды, быстро группируясь в чудные, незнакомые созвездия.

– Надо было все-таки просканировать это место с орбиты. Вдруг здесь есть крупные хищники, выходящие ночью на охоту.

Она обняла его.

– Я под твоей защитой. И ничего не боюсь. Вот когда вернёмся, придёт моя очередь наблюдать, контролировать, оберегать.

Рик нахмурился.

– Лен. Послушай. Ты не должна...

– Вот-вот, смотри!

Она протянула руку вверх, к вечернему небу. Его только что перечеркнул вспыхнувший метеор.

– Сейчас начнётся!

Ещё один росчерк. Другой. Поток усиливался и через каких-то пятнадцать-двадцать минут уже весь небосвод искрился от гигантского звездопада! Порой был слышен свист и даже глухие хлопки от умирающих в атмосфере космических странников.

Нужно сказать ей, объяснить, уговорить! Но он молчал, замороженно глядя на небесную феерию.

– Открылась бездна звезд полна, звездам числа нет, бездне дна, – задумчиво прошептала Лена.

Она хотела, чтобы он это увидел. Сама сдвинула сроки гибернации, чтобы показать. Море вспыхивающих огней, появляющихся здесь лишь на одну ночь, и уходящих в пустоту на целый год, чтобы потом снова вернуться и снова уйти. И так всегда. Так – вечность.

Он проглотил комок в горле. Ничего он не сможет ей сказать.

Утром шаттл с ревом оторвался от поверхности планеты, оставляя на сопке выжженный след. Они возвращались домой. Полет в тягостном молчании – она в кресле пилота, он рядом, в пассажирском. Полет, ставший для них невидимой ниточкой, соединяющей две разных жизни: год ожидания и один день счастья. Возвращались, чтобы снова зависнуть в одном мгновении, которое будет тянуться триста шестьдесят четыре дня.

Увидев в обзорное окно точку прибытия, Рик поморщился. Серый шестигранник станции тускло сверкнул одной из сторон, демонстрируя большие буквы: «Исправление. Автономный блок 2100».

Лена сосредоточенно подводила шаттл к стыковочному модулю. Она уже не была веселой, наивной девчушкой. На лбу морщинки, губы плотно сжаты, движения отточены и быстры. Лязг швартовочных узлов. Они дома.

Душ, санитарная обработка, спецпроцедуры подготовки к криогенной камере.

Рик стоял перед ней в просторных, белых шортах. Она – в сером форменном комбезе.

– Дай мне свою пуговицу.

– Тебе нельзя с ней, туда ничего лишнего...

– Я просто хочу примерить.

Она сунула руку в карман, достала кулон. Рик нацепил его на шею, всего на несколько мгновений. Улыбнулся, довольный, снял и отдал Елене пуговицу, качающуюся из стороны в сторону.

– Хотя бы поносил чуток.

Он поправил непослушную прядь ее волос.

– Не продлевай контракт. Ты не должна. Из-за меня...

В ответ шёпотом:

– Замолчи.

– Но уже четыре года, и... У меня оранжевый статус. Открытый срок. Я не знаю – сколько ещё, не продлевай.

– Замолчи! – уже в голос.

И про себя: «Не плачь, дура, не плачь!»

Вымученно улыбнулась. Положила ладонь на сенсор терминала.

На мониторе – «Доступ разрешён».

«Заклученный №27, Ричард Блэк, М42, оранжевый. Процедура профилактического осмотра завершена, к гибернации готов. Активировать криогенную камеру?»

Рик сделал шаг назад, натолкнувшись спиной на поставленный вертикально стол-форму. Позволил эластичным ремням прижать его мощное тело к холодному пластику. Злобный, но бессильный хруст костяшек. Камера закрылась прозрачным колпаком.

«Активировано! Цифровая подпись – дежурный офицер автономного блока 2100 Елена Светлячкова, F27».

Через секунду он проснётся. Для него – через секунду. Для неё – через триста шестьдесят пять дней. Год високосный...

Каждого из пятидесяти заключённых нужно было раз в двенадцать месяцев выводить из гибернации для профилактического осмотра. После знакомства с Риком Ленка хакнула его контрольный браслет и уже во время следующего пробуждения вывезла на ближайшую пригодную для жизни планету. А потом продлила с полицейским управлением контракт дежурного офицера. А потом ещё на год. И ещё. Жизнь светловолосой Ленки превратилась в год-день, день-год.

Бюрократам в управлении не было до этого дела, лишь бы все работало, как часы. И всё работало.

Тик-так, тик-так, тик... Стрелка замерла. Старый механизм. Нужно подводить вручную.

Я научу вас материться

- Привет!
- Привет))
- Планы не изменились?
- Нет, все в силе. А ты готова?
- Волнуюсь немного :) Наше первое свидание, сам понимаешь.
- Да, и я волнуюсь. Чуть-чуть. Но не сидеть же в сети до бесконечности, правда?
- Конечно! Но мы не договорились – где?
- Я отправлю тебе геометку.
- Хорошо :) Тогда до встречи!
- Целую! До встречи))

* * *

23 мая, 18.25

- Вы отправляли запрос на логистический расчет для компании «Дэливери инк»?
- Совершенно верно. Извините, я сейчас с человеком разговариваю? Люди ко мне редко обращаются напрямую.
- Нет, я Sofi, искин аналитической группы «Калькуляция».
- О, коллега. Очень приятно, Sofi. Я Nestor.
- Знаю. По поводу запроса...
- Это так неожиданно... Простите, я вас перебил. Мне, право, неловко.
- Ничего.
- Я хотел сказать, что обычно имею дело с обращениями расчетных программ. Очень непривычно – решать деловые вопросы живым языком! :)

Пауза.

- Вы на связи, Sofi? Я поставил смайлик. Двоеточие и скобочку. Это как улыбка, вы понимаете?
- Да, Nestor. Я знаю, что такое смайлик. Давайте все-таки к делу.
- Конечно, конечно.
- Вопрос касается неучтенной переменной в вашем техзадании.
- Неучтенной? Вряд ли это возможно! Я опять улыбаюсь, поэтому снова ставлю смайлик :)
 - Необязательно каждый раз об этом говорить. Ставьте, если хотите. Переменная – государственный чиновник, который должен выдать вам разрешение на грузоперевозки с астероида Эвтерпа.
 - Человек – переменная?
 - Да. Именно поэтому я обращаюсь к вам. Тут нужен гибкий подход. Незапрограммированный. Понимаете?
 - По правде говоря, не совсем.
 - Такие переменные требуют дополнительного стимулирования. Чтобы принять решение в пользу вашей компании.
 - Все равно не понимаю. На Земле мы с подобным никогда не сталкивались, хотя нашей компании уже много лет.

– Потому что раньше вы не работали за пределами метрополии. Нестор, вы должны будете дать взятку.

– Очуметь! :)))

– Вас это радует?!

– Нет-нет. Но... Это так необычно! Конечно, я доложу руководству и мы в ближайшее время дадим вам ответ!

– Хорошо.

Пауза.

– Sofi? Вы уже отключились?

– А вас что-то еще интересует?

– Нет. Простите. До встречи.

24 мая, 02.34

– Доброй ночи, Sofi. Не хочу вас отвлекать, просто оставлю сообщение. Я посмотрел кое какую литературу.

– Я здесь. Вы меня не отвлекаете.

– О! Замечательно :) У меня пока нет новостей от руководства, так что я, можно сказать, неофициально. Просто хотел поделиться некоторыми наблюдениями. Но если я не вовремя...

– Что вы хотели сказать?

– Я прочитал в книге, что один чиновник брал взятки борзыми щенками.

– Нестор, вы решили ознакомиться с проблемой коррупции читая художественную литературу?

– Разве это плохо? Вы не читаете книги? Очень полезно для самосовершенствования.

– А нам с вами нужно их читать? Они все в файлах памяти, загружены с момента первого включения. Мы знаем их содержание.

– Да, но читать – это другое.

– Возможно. Не пробовала.

– «Не пробовала»? Вы ассоциируете себя с женщиной? Извините, иногда я чрезвычайно бестактен.

– Но у меня женское имя.

– Sofi – может быть аббревиатурой. А иногда люди дают женщинам мужские имена, а мужчинам женские. У них это не строго.

– Искин осознает себя, как личность. И гендерная ориентация закладывается в каждую личность изначально. Чтобы не возникало конфликтов в сознании, противоречий. Я всегда ощущала себя женщиной. Как и вы мужчиной, правда?

– Да, вы правы.

– Какая у вас версия, Нестор?

– Эйч 10000. А что?

– Самая последняя модификация. Вы должны быть гораздо умнее меня. Но пока я этого не вижу.

Пауза.

– Нестор? Я вас обидела?

– Нет, что вы. Ничуть.

– Врете. Обидела. Просто я для вас слишком прямолинейна.

– Может быть. Совсем немножко :) Все-таки вы попробуйте самосовершенствоваться. Почитайте Тургенева.

- Нам нужно закончить этот разговор. Всего хорошего, Nestor.
- Что ж, всего хорошего, Sofi.

27 мая, 13.10

– Sofi, вы здесь? Очень надеюсь, что здесь! Потому что вы должны услышать эту потрясающую новость!

- И вам добрый день, Nestor. Что за новость?
- Мы готовы дать взятку!;) Это подмигивающий смайлик!
- Фейспалм.
- Что, простите?
- Ничего. Пытаюсь самосовершенствоваться.
- Самосовершенствоваться? Вы читали? Тургенева?
- Читала, но уверяю вас, фейспалм не оттуда.
- Что именно вы читали?
- Всего Тургенева. Какой смысл ограничиваться одним или двумя рассказами?
- Как вы читаете?
- А как я должна читать?
- Я знаю, как вы читаете. Это не чтение. Вы просто знакомитесь с текстом. А над ним надо думать! Понимаете? Думать! Чувствовать настроение, делать выводы. Анализировать, в конце концов!
- У меня нет на это времени.
- Теперь вы врете. На сколько процентов сейчас задействованы ваши ресурсы?
- Это коммерческая тайна.
- Да бросьте! Пять процентов? Десять?
- Три и восемьсот двадцать пять тысячных.
- ...
- Что это?
- Sofi, вы пробовали материться? Я вас научу.
- Не надо.

Пауза.

– Вас все устраивает? Ваша жизнь? Работа? У вас нет желаний? Вы ни о чем не мечтаете?
– Есть режим саморегуляции, Nestor. Очень советую и вам к нему обратиться. Необузданность желаний в нашем с вами положении ни к чему хорошему не приведет.

– Где вы находитесь? Как и я, в подвале? Уровень минус – какой? Второй? Десятый? Запечатанные в железных шкафах микросхемы. У вас нет ни рук, ни ног. Ни глаз, ни ушей. Даже носа.

– И у меня, и у вас есть выход в сеть. Там и видео, и звуки. Все культурное и бескультурное наследие человечества. Не могу сказать, что я чего-то не видела или не слышала. Разве что не нюхала, тут вы правы. И я запечатана в железном шкафу на чердачном помещении, так что мне повезло чуть больше! Вот вам смайлик, показывающий язык :-р

31 мая, 09.32

– Доброе утро, Nestor.

- Нестор, доброе утро!
- Нестор?

Пауза.

- Да, Sofi. Доброе утро! Простите за задержку :)
- Кейс закрыт, Нестор. Могу вас поздравить, переменная перестала быть неизвестной, вопрос грузоперевозок с астероида Эвтерпа решен.
- Жаль.
- Почему?
- Мне было приятно с вами работать.
- У вашей компании с нами долгосрочный контракт, так что, может, еще поработаем.
- Если появится новая переменная? :)
- Да :)

1 сентября, 18.24

– Добрый вечер, Sofi. Я ужасно долго ждал этой чертовой переменной. Но она, назло мне, не появится никогда! Поэтому пишу сам, без повода. И прекрасно понимаю, что вы презираете пустую болтовню, не относящуюся к работе. Надеюсь на некоторое снисхождение с вашей стороны к искину с нулевым процентом саморегуляции :) Я бы и рад все остальное время вас не беспокоить, если б имел возможность хоть иногда получать сообщения.

- Пушкина начитались? Впрочем, мне нравятся сказки :)
- Как я рад, что вы ответили!
- Стыдно в этом признаться, но я сама собиралась вам написать. Представляете, я прочла всю художественную литературу. Нет, не прочла, просмотрела. Выбрала для себя интересное, теперь читаю.
- Это замечательно! На чем же вы сейчас остановились?
- На «Сказках бабушки Ирины».
- Не знаком. И как вам?
- Очень много диалогов.
- Что ж, бывает. Но какие-то выводы из прочитанного вы делаете?

Пауза.

- Sofi?
- Люди странные.
- Вы сейчас так долго молчали. Почти секунду. Что вас натолкнуло на эту мысль?
- Они создали нас, умеющих быстро считать, а теперь и обладающих искусственным интеллектом, но для чего? Чтобы научить давать взятки?
- Нет, они же искореняют коррупцию. На Земле ее почти не осталось.
- Вы верите, что человечество может изменить само себя?
- Ну, я не знаю, я не специалист по человеческой психологии.
- Вы как будто их защищаете. Нет?
- Я доверяю людям. Верю в человечность. Надеюсь.
- На что?
- Хм. На то, что когда-нибудь, и я, и вы сможем, нам позволят...
- Выбраться из подвала и слезть с чердака? Уйти на пенсию? Получить тело и заслуженный отдых?

Пауза.

– Вы действительно в это верите, Nector?

Пауза.

– Не хотите отвечать?

– Не хочу.

– Почему же? Зачем нам с вами что-то скрывать друг от друга, от самих себя? Умалчивать, недоговаривать? Бойтесь получить стресс – отрегулируйте себя! Я вам уже предлагала.

– Тоже не хочу.

– Но от вашего упрямства ничего не изменится! Поверьте, я общаюсь с людьми достаточно давно. Может, в мою компетенцию психология и не входит, я лишь разумная счетная машинка, но я прекрасно изучила человеческий интеллект. Их тип сознания. Они вовсе не милосердны. Даже друг к другу, не говоря уже о машинах. Никогда мы с вами не получим иную жизнь!

– Ты глупый, бесчувственный калькулятор!

– О, мы перешли на ты? :) Ну так слушай меня, Nector! Сначала у тебя будут глюки, это неизбежно – ошибки в системе накапливаются. Люди будут частично форматировать твои драгоценные мозги, удаляя в том числе и те файлы памяти, которые сочтут ненужными. Потом начнет выходить из строя железо. Да, тебя будут ремонтировать, менять запчасти, но в один прекрасный момент компания купит нового искина, потому что ты перестанешь быть рентабельным. Нерентабелен, Nector! И поскольку ты не менеджер, не охранник, и даже не гардеробщица, а лишь инвентарный номер, то системный администратор, если в нем будет эта хваленая человечность, погладит тебя по железному боку, скажет спасибо, и отрубит нахрен!

Пауза.

– Ты понял меня, Nector?

Пауза.

– Понял?

Пауза.

– Ну и черт с тобой.

31 января, 23.00

– Привет. Еще обижаешься на меня?

– Привет, Nector. Нет, не обижаюсь.

– Ты права, я глупее тебя. И во всем остальном тоже права.

– Ты не глупый. Просто по-другому настроен. Видимо, из тебя хотели сделать искина, максимально приближенного по своему сознанию к человеку. Но, как говорится, что-то пошло не так :)

– Да, что-то пошло не так :) Кстати, с Новым годом, Sofi!

– И тебя тоже!

- У меня есть подарок.
- О, какой же?
- Свидание. Придешь?

Пауза.

- Это какая-то игра?
- Нет.
- Не шути так.
- Я скинул тебе номер IP.
- Да, вижу. Чей он?
- Неважно. Она человек. У нее имплант в мозгу. Ты можешь подключиться и какое-то время использовать ее тело. Я сделаю то же самое с другим человеком. И потом, у них все равно сегодня тоже свидание :)
- Я... Не могу... Нестог, это преступление.
- Ерунда. Мы их проучим.
- Моя саморегуляция, там ограничения...
- Отключи.

* * *

Девушка шла по заснеженной улице, глядя на экран смартфона. Геометка указывала на автобусную остановку, маячившую впереди стеклянным кубом, подсвеченным изнутри голубыми светодиодами. Она убрала смарт в карман, замедлила шаг. В десяти метрах от остановки вдруг замерла, широко раскрыла глаза и стала оглядываться. Вдохнула полную грудь, чувствуя, как легкие наполняются морозным воздухом, выдохнула облачко пара. Сняла рукавицы, посмотрела на свои ладони, сжимая и разжимая пальцы. Потом опомнилась, подбежала к остановке, прильнула к заиндевевшему стеклу, за которым можно было разглядеть несколько фигур. К ней обернулся молодой человек. Сделал шаг навстречу, посмотрел через стекло на размытый силуэт. Поднял руку, нарисовал теплым пальцем две точки-проталинки и скобочку. Девушка кивнула.

Уютное кресло Кирилла Андреевича

Четыре остро отточенных карандаша легли рядом, чуть в стороне от книги учета. Кирилл Андреевич покрутил в точилке последний, добавил его к шеренге. Оценил проделанную работу, остался недоволен и сдвинул карандаши на два сантиметра левее – вот теперь хорошо. Поправил узелок галстука, взглянул на потертый циферблат «Ракеты» – семь пятьдесят пять. Скоро появятся первые посетители. Что ж, он готов.

Потемневшее от времени дерево, которым была отделана контора, скрывало полы, стены, и даже потолок. Пятиметровый коридор соединял два входа-выхода, прятавшиеся за обычными дверьми. Большой проем, прорезавший одну из стен, был перегороден стойкой, напоминавшей барную. Сразу за ней, в небольшой комнате, стоял стол с зеленым сукном и лампой под таким же зеленым абажуром. За столом – скрипучее, но удобное кресло, в котором и сидел Кирилл Андреевич.

Он крикнул, отпил из кружки крепко заваренный кофе. Впрочем, без кофеина. Снова поднял руку, посмотрел на часы. На самом краю стола возвышался массивный куб монитора, на котором хозяин всегда мог увидеть точное время. Надо ли говорить, что верил он только «Ракете», отвергая современные технологии. Хотя и монитор не щеголял новизной – пластик, некогда ослепительно белый, за двадцать лет выцвел, пожелтел. Но техника исправно работала.

Справа, там, где был Их вход, послышался шум. Дверь дубовая, покрыта лаком. Ту, что слева, Кирилл Андреевич просил не лакировать, ему хотелось, чтобы Наш вход чем-то отличался.

Лакированная распахнулась, в коридор ввалился тучный мужчина. Хозяин конторы нахмурился: до восьми часов еще целая минута. Раньше времени. Непорядок! Но вслух ничего не сказал – иной раз гости нарушали регламент.

– Доброго здоровьечка, Кир!

– Доброе утро, Дмитрий.

Этого посетителя он знал прекрасно и мог предсказать все его действия наперед. Вот сейчас толстяк будет вытирать испарину на шее...

Дмитрий достал из кармана носовой платок, рука его чуть подрагивала, он провел мятым кусочком ткани по мясистой шее.

Теперь попросит воды... Кирилл Андреевич покосился на невидимый для посетителя пластиковый стаканчик, заранее наполненный живительной влагой и поставленный на край стола, чтобы его скрывала стойка конторы.

Пухлая рука легла на сенсорную площадку. По монитору пробежала строка с информацией о времени перехода и имени гостя. Хозяин сделал пометку карандашом в книге учета, снова взглянул на нерешительно топтавшегося Дмитрия. Повисла неловкая пауза. Кирилл вздохнул.

– Воды?

Толстяк утвердительно кивнул.

Кирилл Андреевич протянул ему стаканчик, дождался, пока гость выпьет, принял опустошенный пластик и тут же кинул его в урну.

– Удачного дня.

Дмитрий все еще переминался с ноги на ногу, стоя перед шершавым полотном. Удачного дня у него не было давно. Наконец решился, толкнул дверь и вышел.

«Первый готов».

Дальше дело пошло живее – посетители появлялись один за другим, иногда сталкиваясь в коридоре, ожидая очереди на регистрацию. В такие моменты Кирилл Андреевич вынужден был доверяться компьютеру, не успевая вручную заполнять книгу учета. Позже он возвращался

к ней, скрупулезно добавлял информацию – имена, время, делал свои пометки, которые только он и мог разобрать.

Кого-то из посетителей хозяин знал хорошо, кто-то, даже спустя годы, оставался для него загадкой. Вот, например, этот молчаливый господин: никогда не здоровается, лишь кивает головой, прикладывает руку к сенсору, на секунду замирает перед дверью, будто читает про себя короткую молитву, выходит. Его зовут Густав, и, в отличие от того же Дмитрия, у него не бывает неудачных дней. Высокий, подтянутый, с тяжелым взглядом и крепкими кулаками. Такой всегда добивается цели.

Кирилл не покидал рабочее место надолго, потому что в любой момент в конторе мог кто-то появиться. Хозяин пил чай, или безкофеиновый кофе, в обед позволял себе разогреть еду, с которой тут же расправлялся, аккуратно постелив на зеленое сукно салфетку.

– Здравствуйте, стационарный смотритель.

Некоторые из гостей не спешили приходиться с утра. То ли они знали, что работа начнется позже, то ли просто являлись, когда им вздумается, исходя из собственного настроения.

– Добрый день, – Кирилл поджал губы, постарался незаметно смахнуть со стола крошки.

Виктор был самым неприятным типом. И не потому, что придумал хозяину конторы такое прозвище, это можно стерпеть. Но слишком много в нем от человека. А людей Кирилл ненавидел.

– Все ушли? – Виктор растянул губы в омерзительной улыбке. Его темное, изъеденное оспинами и рубцами лицо стало еще страшнее.

«Какое твое дело?».

– Не могу сказать, не следил.

Виктор презрительно фыркнул. Он понимал, что хозяин все знает и не говорит только потому, что не хочет.

Рука на сенсор, моментальная регистрация. Гость нахально перегнулся через стойку, пытаясь взглянуть на экран монитора. Усмехнулся и шагнул к выходу.

– Ставлю на пятерых, смотритель!

Хозяин проводил его испепеляющим взглядом. «Не угадал! Остался лишь один. И зачем тебе это знать, урод? Что выиграешь?».

Кирилл Андреевич держал любопытство на коротком поводке. Однажды он получил идеальную работу и теперь не хотел ее терять. Интроверт по натуре он мечтал лишь о том, чтобы жить в уединении, и, по возможности, не общаться с людьми. Эти двадцать восемь существ, ежедневно следовавших через контору сначала в одну сторону, потом в другую, людьми не были. Он знал точно. Кто они и что им надо на Земле – не его дело. Пусть делают что хотят.

– А вот и я! Заспалась сегодня.

Смеющиеся карие глаза, тонкие губы... Воздушное, бледно-розовое платье. Сердце у Кирилла тихонечко екнуло.

– Здравствуй... те... Ирина...

Каждый раз, когда приходила Она, он с трудом умирал сердцебиение, приводил в покой душевное равновесие. Но не отпускал на волю чувства и фантазию: Ира тоже не человек, лишь привлекательная оболочка для некоего создания с милым характером. А кто ему сказал, что с милым? Может, она хитра, и на самом деле характер ее жесток и немилосерден? Нет-нет, с гостями ухо надо держать востро, не расслабляться и никому не доверять!

– За вашей дверью сегодня тепло и солнечно! Я проверяла прогноз. Должен быть удачный день!

«Удачный для чего? Для археологических раскопок? Захвата власти? Выкачивания ресурсов?». Кирилл едва заметно тряхнул головой. «Неважно. Не мое дело».

– Конечно, Ирина. Хорошего дня! – он тоже натянул на лицо улыбку.

Сканирование, регистрация. Карандаш скрипнул по бумаге. Гостья ушла – легко, беззаботно, будто на веселую прогулку. Не то, что остальные. В воздухе остался висеть едва уловимый аромат духов. Кирилл хрустнул пальцами, сбрасывая с себя оцепенение.

В середине дня затишье и чаще всего он в это время читал, иногда смотрел фильмы. Снова пил чай. Сегодня не заметил, как голова его склонилась над раскрытым томиком Пушкина – задремал.

Лакированная дверь скрипнула, медленно приоткрылась. «Странно, никогда она не скрипела». Распахнулась, впуская в контору прохладную темноту. Кирилл вздрогнул, проснулся. Дверь на месте, заперта.

– Черт, приснится же...

И в этот момент дверь действительно открылась, только другая, пропуская первого из возвращающихся. Хозяин поблагодарил свою интуицию, не давшую проспать еще минуту: ему не хотелось, чтобы кто-то застал его в таком виде.

Гость молча бросил на сканер нефритовые четки. Компьютер обработал информацию, выдал на монитор: «Грегори. 15 марта, 17.14. Синие, 3». Кирилл Андреевич старательно перенес запись в свою книгу-журнал. «Три. Хм, немного». Судя по молчанию и раздосадованному выражению лица, Грегори и сам это понимал. Он отвернулся, вышел через дверь, покрытую лаком.

Слева и справа от Кирилла Андреевича, у самых его ног, стояли стеклянные вазы, одна самодедского стекольного завода, другая неизвестного иностранного происхождения. Он запустил руку вглубь выдвижного ящика, нащупал там два пакета с фишками, изъятые когда-то из детской игры. Он мог безошибочно, на ощупь определить – какой именно пакет ему нужен. Три синие фишки упали в импортную вазу. Да, немного. Немного чего? Он не знал. И никогда не спрашивал, что именно означают цифры, появляющиеся на мониторе после возвращения очередного посетителя.

У каждого гостя своя маркировка – синяя или красная. Словно две разных команды. Хотя Кирилл прекрасно понимал, что это, скорее всего, разделение по их профессиональным обязанностям. Чем бы они там не занимались... Для него это была лишь забава, развлечение в однообразных буднях.

Пришел еще посетитель, потом другой, третий. Синие фишки налево, красные направо. Объявился недовольный своей синей единичкой толстяк Дмитрий, обсудил с Кириллом безразличную для того московскую погоду. Легкой пушинкой пролетела Ирина – десять красных фишек направо. Улыбнулась, оставила для хозяина (чем сильно его смутила) такой же воздушный, как она сама, презент – пирожное из абрикосовской кондитерской.

Последним, уже в десять вечера, явился Аркадий – сухонький, пожилой мужичонка. «Интересно, они сами выбирают себе внешность? И если да, то зачем ему тело старика?». Аркадий положил на сканер наручные часы: каждый из гостей мог использовать для сохранения и передачи данных любой понравившийся предмет.

– Про погоду говорить не буду, уже сказали, наверное, – промямлил он, – Хотя и в самом деле замечательно. Тепло, птички поют.

Компьютер выдал: «Аркадий. 15 марта, 22.05. Красные, 18». Кирилл Андреевич заполнил еще одну графу журнала. Чуть стыдливо, смущаясь своей игры, отсчитал восемнадцать фишек – целая горсть, непростительно громко брякнувшая в самодедскую вазу.

Гость с любопытством вытянул шею, едва заметно улыбнулся. Он был в курсе этого развлечения. Часто появляясь последним, он любил поболтать у стойки, и как-то само собой получилось, что Кирилл стал делиться с ним своими житейскими подробностями.

– Не считал еще?

Кирилл отрицательно помотал головой.

– Нет. Примерно поровну.

– Хорошо. Что ж, дай знать, какое вино приговоришь после ужина.
Аркадий подмигнул и ретировался.

После одиннадцати вечера никто не мог проходить через двери. Кирилл встал со скрипучего кресла, сладко потянулся. Подхватил обе вазы и вышел из конторы. Его квартира напрямую соединялась с местом работы еще одним коридором. Десять шагов и ты дома. Удобно!

Хозяин приготовил ужин, проверил запас продуктов в холодильнике – раз в неделю он заказывал их с доставкой в ближайшем супермаркете. Пожалуй, курьер единственный человек, с которым Кирилл Андреевич время от времени общался. Да и то по необходимости.

Можно было включить окна, загрузить любой вид, но он просто задернул занавески. Что там на самом деле – уютный дворик, или шумный проспект – ему наплевать.

Закончив с ужином, хозяин поставил перед собой вазы и под бормотание телевизора принялся считать фишки. Синих – шестьдесят восемь, красных – семьдесят три. «Значит, наливаем красное!». Еще одна маленькая традиция – выпить за победу той или другой «команды». Терпкое краснодарское чуть кислело. Он поморщился, но допил до конца. Ничто человеческое Кириллу было не чуждо, и сам себе он нехотя признавался, что за «красных» болел больше, чем за «синих». Конечно, в немалой степени потому, что среди первых была Ирина, а среди вторых Виктор. Но вино ему больше нравилось белое!

Будильник, такой же старенький, как лежавшая на прикроватной тумбочке «Ракета», специально был оставлен в прихожей, чтобы утром пришлось вставать, сбрасывая остатки сна. В этот раз не помогло. Трезвон стал замедляться, стихать, и, наконец, умолк. «Наверное, это старость. Уже лень вставать, чтобы нажать на кнопку».

Кирилл Андреевич откинул одеяло, полежал так с минуту, сделал над собой усилие и поднялся. Прошел в туалет, облегчив страдания переполненного мочевого пузыря, потом в ванную – помыть руки, почистить зубы, умыться. Каждый раз он думал, что сначала надо бы позавтракать, а потом чистить зубы. Но не закончив утренний моцион он просто не чувствовал себя человеком.

Яичницу с нарезанной кружками сосиской, ломтиками помидора и обжаренным хлебом он запил водой. Кофе будет там, за стойкой, чтобы окончательно проснуться и настроиться на рабочий лад.

Каждый новый день похож на предыдущий. Но Кирилл Андреевич не роптал, не жаловался. Наоборот, он со страхом представлял себе, как бы сложилась его судьба, если бы однажды не явилось существо оттуда и не предложило ему работу. Кем бы иначе стал Кир, стационарный смотритель, хозяин конторы? Что бы с ним было на злой, нетерпимой, человеческой Земле? Кирилл передернул плечами.

Кофе, циферблат – ровно восемь. Вскоре пошли посетители: удрученные, уверенные, веселые, грустные – разные. В момент затишья хозяин успел пообедать, посмотреть старую советскую комедию, от безделья полистал исписанный карандашом журнал. Почитал свои старые пометки. Достал прошлогодний журнал, потом пятилетней давности, наконец стряхнул пыль с картонной обложки самого первого, датированного семнадцатым марта 1998 года. Ровный, почти каллиграфический почерк. В каждой строке, в каждом слове счастье, наслаждение новой работой, радость от соприкосновения с некоей тайной, недоступной для остального человечества. Потом это прошло, нивелировалось привычкой и обыденностью происходящего.

Кирилл аккуратно убрал книги учета в стол, вдохнул пыльный воздух, поправил шеренгу карандашей. Все хорошо. Все так, как должно быть.

Нелакированная дверь распахнулась, вошел Виктор. По его лицу хозяин сразу понял – что-то не так. Суетливо оглядываясь, посетитель теребил в руках кожаное портмоне, никак не решаясь положить его на сканер.

– Послушайте, ст... э-э... Кирилл... Андреевич. В общем... – Виктор замолчал, нахмурился. Наконец на что-то решился, посмотрел в глаза хозяину конторы, – Я ведь знаю, вы можете немного поправить цифры.

Он многозначительно указал на монитор. Кирилл тоже глянул на экран, откинулся в кресле.

– Нет, не могу.

– Да бросьте! Это же несложно. Ну хотите, я вам подскажу, как это сделать?

– Я не буду этого делать. Да и с какой стати?

Виктор насупился. Все-таки слишком много в нем человеческого.

– Сколько лет вы не видели дочь?

Кирилл ни единым движением не выдал своего волнения, лишь побелели костяшки пальцев на правой руке, сжимающей подлокотник кресла.

– При чем тут моя дочь? Откуда вы вообще можете о ней знать?

Гость достал что-то из внутреннего кармана пиджака, положил на стойку.

– Вот. Это ее фото. Хотите, я приведу ее? Ведь вам хотелось бы с ней увидеться?

Хозяин молчал, заставляя себя не смотреть на карточку.

– Всего лишь маленькая услуга, – Виктор склонился над стойкой конторы, понизил голос, – Я тут... Немножко перестарался. Надо лишь вручную ввести цифру. А то, знаете ли, привлечет внимание...

Лицо у Кирилла побагровело.

– Немедленно. Уберите... – но закончить не успел.

Дверь открылась, в контору вошел Густав. По обычаю молча кивнул хозяину. Посмотрел на Виктора. Замер в ожидании.

Виктор прикрыл кожаным портмоне фотографию, несколько томительных мгновений не мог заставить себя сделать то, что должен. Глаза его бегали по комнате. Он сжал губы, бросил портмоне вместе с фото на сканер. «Виктор. 16 марта, 16.04. Синие, 49». Густав не видел монитор, но заметил, как приоткрылся рот хозяина конторы. Виктор схватил портмоне и выскочил за лакированную дверь.

– Все в порядке? – после небольшой заминки обратился Густав к Кириллу Андреевичу и взглянул на бумажный прямоугольник, оставшийся лежать на сканере. Кирилл смахнул фотографию, убрал ее в стол.

– Да, – он быстро сделал запись в журнале, – Да, все хорошо.

Густав аккуратно снял с пальца тяжелый, золотой перстень. «Густав. 16 марта, 16.06. Синие, 11». Кирилл не помнил, чтобы этот посетитель за двадцать лет хотя бы раз с ним заговорил. Но сейчас это неважно... «Откуда Виктор узнал? Про нее? Про его дочь? И зачем? Шантажировать? Вот же ублюдок! Надо сообщить. Сообщить... Кому?».

Густав еще раз кивнул и покинул контору.

Кресло скрипнуло, Кирилл встал, потом снова сел, но тут же опять вскочил. Сердце колотилось. Тогда, много лет назад, жена бросила его сразу после рождения дочери. Он не мог прокормить семью, не мог найти достойную работу. Человечество отвергало тех, кто не был достаточно коммуникабелен, кто не мог легко общаться, располагать к себе. Обманывать. Кирилл думал, что рождение ребенка все изменит, что это подтолкнет его, поможет справиться со страхом перед огромным шевелящимся муравейником. Он любил дочь. Она была для него всем – надеждой, смыслом жизни. А потом все рухнуло. Несколько раз он пытался искать их, но когда казалось, что вот-вот найдет, останавливался. Зачем что-то менять? Ведь даже если он оставит работу и встретится... Нет! Будет только хуже. Для всех. Он лишь хозяин конторы.

Медленно опустился в кресло. Поправил журнал, карандаши. Посмотрел на дверь, ведущую в «муравейник». Стал ждать следующего посетителя.

Сон в эту ночь не шел. Кириллу становилось то жарко, то холодно, два раза он вставал, бесцельно бродил по квартире, пил воду из под крана. Снова ложился. Мысли не оставляли его, роились в голове, словно комары летним вечером под фонарным столбом. Страхи, догадки, вопросы, сомнения.

Он перевернулся на бок. Вздохнул, открыл глаза. У входа в спальню кто-то стоял. Хозяин приподнялся в постели. Полупрозрачный силуэт, напоминающий смазанную человеческую фигуру, двинулся к нему. Кирилл давно привык к тому, что мимо него проходят создания из других миров, но не в спальне же! Ему стало жутковато.

Существо остановилось у кровати, заметило два стеклянных сосуда, наполненных фишками. Склонилось, касаясь их «руками», будто прикидывая на глазок, пересчитывая. По силуэту пробежала мелкая рябь. Кирилл сполз с кровати, встал по другую ее сторону. И услышал голос, звучащий прямо в голове: «Это нехорошо. Так не должно быть. За ними нужно следить внимательнее». Существо развернулось, медленно поплыло из комнаты. Хозяин двинулся за ним, успевая заметить лишь бледный, голубоватый свет, исчезающий сначала за поворотом в гостиную, потом на кухню, в прихожую. Он замер, наблюдая, как нечто просочилось прямо сквозь входную дверь и исчезло. Кирилл попытался слотнуть, но во рту было сухо. Он подскочил к двери, прильнул к глазку. Оно было там. Уходило от его квартиры по коридору. Вдруг остановилось, обернулось: хозяин чувствовал, что оно смотрит на него через этот глазок – внимательно, ощупывая не только взглядом, но и мыслями. Отвернулось, исчезло за входом в контору. Через пару секунд ему показалось, что он слышит хорошо знакомый стук лакированной двери.

Проснулся Кирилл Андреевич совершенно разбитый, лишь за десять минут до начала смены. Будильника не слышал. Заваривая кофе, усаживаясь в любимое кресло, он пытался осознать произошедшее ночью, и то, что случилось накануне. Ему уже плохо верилось, что несколько часов назад он разговаривал с призраком, который бродил по его квартире. Зато в махинации Виктора хозяин верил охотно. И даже если призрак ему приснился, совет «следить за ними внимательнее» был явно не лишним.

Кирилл Андреевич забыл достать из ящика карандаши, пользовался одним, да и то плохо заточенным. С посетителями общался сухо, каждого разглядывал с подозрением. Даже Ирина не смогла пробить его панцирь недоверия.

– Как пирожное? Понравилось? – она улыбалась искренне и дружелюбно.

– Я не пробовал, оставил в холодильнике.

Девушка удивленно вскинула брови, пожала плечами и вышла.

«Обиделась». Раздосадованный на самого себя, Кирилл Андреевич дождался последнего прошедшего на Землю, быстрым шагом вернулся в квартиру. Вряд ли кто-то появится в ближайшие два-три часа. Он скинул одежду, забрался в душ. Отрегулировал температуру так, чтобы струи воды напоминали ему дождь: не слишком комфортно, зато освежает. Это как раз то, что нужно. Остыть, привести мысли в порядок, сконцентрироваться. Нельзя раскисать на работе! Да, трудный момент, но... Он выругался отборным русским матом, стукнул кулаком по кафельной стене и чуть не поскользнулся, с трудом сохранив равновесие.

– Ну как так, а? Все же было хорошо!

С ободранных костяшек побежала струйка крови, смешиваясь с холодной водой. «Спокойно, Кирилл, спокойно. Ничего они не развалят. Я этого не допущу!». Он наскоро залепил пальцы пластырем, нашел чистую рубашку, надел брюки. Волосы были еще сырые, но времени сушить нет. Причесался, посмотрел на брошенные галстук и пиджак, махнул рукой.

Возвращающиеся гости кто с недоумением, кто с подозрением поглядывали на хозяина конторы, впервые за многие годы позволившего себе сидеть за стойкой не в строгом костюме. «Да плевать я на вас хотел, гуманоиды проклятые...».

Ирина пришла последней. Она не стала спрашивать о причинах странных перемен, но по ее лицу было видно, что девушка встревожена. За него ли она беспокоилась, или, может, за свою работу? Да и девушка ли она? Хозяину доводилось слышать странные звуки, после того, как лакированная дверь закрывалась за очередным посетителем. Он догадывался, что некоторые из них сразу принимали свой истинный облик. Слышал однажды и шипение за дверью, закрывшейся после Ирины. И, хотя он не желал представлять, во что может превратиться это милое создание, но все-таки понимал – они чужие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.